

К 110-летию Хамита Ергалиева

ИСПОВЕДЬ СЫНА

О творческом пути поэта Хамита Ергалиева – народного писателя Казахстана, лауреата Госпремии Республики Казахстан

Родившись в мятежном 1916-м году, мой отец поэт Хамит Ергалиев всего три года не дожил до нового века, до тысячелетия, которое он мечтал встретить во всеоружии, заглянуть вглубь хотя бы краешком глаза... Да, всецело принадлежавший XX веку, он обязательно откликнулся бы на это эпохальное событие не только свежими стихами или даже поэмой, но и выдал бы целое поэтическое напутствие живущим в XXI веке поколениям, то есть оставил бы нечто одухотворяющее своим читателям, очутившимся перед лицом мировых катаклизмов, назревающих, ранее не пережитых испытаний, преобразований и новшеств в родной республике. Точнее говоря, средствами поэтиче-

ского искусства он выправил бы пошатнувшееся состояние современных людей, оказал помощь в поисках так необходимой сегодня стабильности. Без конкретной, морально-нравственной поддержки общества он не мыслил ни собственного творчества, ни назначения поэзии.

Когда казахские писатели-поэты, критики, исследователи начиная с послевоенного периода до обретения республикой суверенитета в один голос отмечали его новаторский вклад в стихосложение, создание целого ряда эпических поэм, ставших событием не только в республиканском, но и во всесоюзном масштабе (одно выдвижение его на Сталинскую премию в 1953 году чего стоит, к сожалению, резко пресеченное в связи со смертью И. Сталина), когда имя его поставили в один ряд с такими классиками казахской литературы, как Магжан Жумабаев, Ильяс Жансугуров, Касым Аманжолов, то в качестве неотъемлемой характеристики обычно подкладывали следующий политический довесок – его неудержимую склонность превозносить Компартию, провозглашать ее руководящую роль в строительстве социализма, крепить дружбу народов и идейно-нравственные основы, соблюдать ленинские нормы жизни и прочие атрибуты советской идеологии.

И это было сущей правдой: отец не только не отрицал, сам провозглашал их. Как и все деятели литературы и искусства, он еще в ранние годы сознательно вкладывал строки, а то и целые строфы, восхваляющие партию, вождей и первых руководителей. По злой иронии судьбы, после того, как он на слете передовиков производства в г. Уральске прочитал хвалебное стихотворение, где есть строка «эх, милосердный орган власти мой!», его, 17-летнего мальчи-

ка, за сокрытие соцпроисхождения исключают из комсомола и выгоняют из рабфака как сына «зажиточного кулака»!

Как бы ни был жесток удар, надо выживать, так как разразившаяся пятью годами ранее гроза ударила еще жестче: в 1928 году после издания печально знаменитого постановления «О раскулачивании» дед Ергали вынужден был покинуть родные места, был убит в Уральской тюрьме и тем самым три жены его стали вдовами, 36 детей – сиротами. Живя в Уральске впроголодь, заболевший тифом папа Хамит, совмещая учебу с общественной работой, поместил несколько стихов в стенной газете, от которых в памяти осталась такая строфа:

*Насмерть Кирова-вождя
Застрелил, таясь, палач,*

*В ступор впавшее дитя
Голосил, затеяв плач!*

(Перевод М. Ергалиева)

Слёз сочувствия стихи не вызвали, зато попались на глаза преподавателю пединститута, проводившему занятия на старших курсах. Не простого преподавателя, а самого Кажима Жумалиева. По-видимому, стихи заинтересовали его злободневностью, прозвучав как живой отклик на политическую ситуацию в стране. И Кажим ага, ознакомившись с другими стихами, поддержал талантливую юношу, словом и делом открыл путь в большую литературу.

Все эти подробности его биографии необходимо упомянуть, если мы хотим понять, «с чего начинается творчество» Хамита Ергалиева. И поломать голову над тем, как повзрослевший папа, будучи студентом первого курса КазГУ им. С. М. Кирова, в год, когда началась война, недолго медля, подал заявление в военкомат об отправке на фронт. Что это? Порыв, всплеск чувства патриотизма? Искренний ли? Но почему нет? От вспыльчивого поэта такое можно ожидать. Но если обратиться к логике, то приходишь к другому выводу: обстоятельства жизни убедительно доказали ему, сыну репрессированного бая, что в стране, где господствует диктатура пролетариата, последующее продвижение по работе или успешный творческий рост молодого поэта, или какой-то другой путь с перспективой был ему заказан. Единственный способ пробить забетонированный выход – это доказать личным мужеством свое право на сносную жизнь, может, героизмом на фронтах Великой Отечественной войны, кровью завоевать себе моральную независимость, вернуть попранное достоинство раз и навсегда. То есть папа выбрал ту дорогу, на которую ступили многие дети репрессированных, ставшие жертвами сталинского тоталитаризма, а среди них, как мы теперь знаем, и героини Маншук Маметова и Алия Молдагулова. Какая же это была мощная гвардия, которую не остановил даже страх смерти!

Здесь необходимо упомянуть также такую немаловажную деталь, как последовательность отца при заполнении анкет перед отправкой в армию, а спустя некоторое время, на фронте, когда его принимали в партию как отличника боевой службы. В том и другом случае ему пришлось настаивать, чтобы в графе «соцпроисхождение» было записано «сын крупного феодала», на что политработники и начальники канцелярии не соглашались, доказывая, что феодального сословия в Казахстане вообще не было. После жарких споров сошлись на «сыне зажиточного кулака» (выдающийся поэт А. Твардовский, говорят, тоже был записан без классовых принижений). А ведь папа не прогадал в том, что упрямо добивался такой корректировки. Много позже, во время его работы в газете «Социлистик Казахстан» и Союзе писателей, он неоднократно подвергался проверке со стороны соответствующих органов. Прочитав анкету, чекисты уходили, не углубляясь в излишние расспросы. Эти канцелярские методы проверки лишь укрепляли у папы стремление почаще свидетельствовать свою лояльность властям и с присущим ему темпераментом в зажигательных стихах выражать свою любовь к Отчизне. Кстати, стихосложению он учился у

В. Маяковского, на первых порах даже писал подражательные стихи, предельно оптимистические, энергичные по темпу и непосредственные по интонации.

Не канула в лето и упомянутая выше строка «эх, милосердный орган власти мой!». После моего рождения в 1946 году была написана поэма, которая сделала отца, еще никому не известного, израненного фронтовика, популярным в народе поэтом, написавшим о войне одну из самых пронзительных исповедей... Итак, строфа из классической поэмы «Исповедь отца»:

*Эх, милосердный орган власти мой!
Любить его навек – мой долг земной.
Ведь каждый день меня вперед он тянет,
Недвижно став на улице одной...*

(Перевод М. Ергалиева)

Не то удивительно, что поэт использовал почти забытую строку из прошлого, неудавшегося опыта (в творческой практике поэтов это не редкость), а то, что придав ему неожиданное обрамление, он использует его как оружие против тех выжиг, которые хотели стереть его, столкнуть в небытие! Причем делает он это, нисколько не изменяя своим принципам – любить, уважать партию до самой смерти. Да, это не было простым сведением счетов. Это доказывает – Хамита Ергалиева просто невозможно оторвать от породившей его среды, эпохи. Постоянно находясь под прессом несправедливости, он не только вылетал из комсомола Уральского рабфака в 1934 году, но и с шумом исключался из партии. Последнее скандальное происшествие в начале 60-х годов не заставило его пустить слезу, он не дрогнул, не сдал своих позиций, остался верным выработанным принципам. И в самый разгар травли пишет такие строки:

*На вахте мы сегодня бдим втройне –
Свет у поэтов ночью долго брезжит.
И стих наш, знай, член партии вполне,
Партийная поэзия речь держит!*

(Перевод М. Ергалиева)

С ними перекликается жизнеутверждающее стихотворение «Свет в горах», написанное в тот же тревожный период:

*Коммунистический проспект.
Здесь я живу.
Здесь этажи уходят в синеву.*

*На площади со мною рядом Ленин.
Рассвет в горах как сказка наяву.*

(Перевод Л. Гусева)

Подвести итог хочу следующим наблюдением – появлением в современной читательской среде скепсиса, недоверчивого взгляда на литературу, созданную в советский период, а точнее говоря, тенденции, ставящей крест на все художественные достижения того времени, как на произведения, искажающие реальную действительность. Такую оценку трудно назвать грамотной. Но опасаться ее, по-моему, не стоит – прочитав кое-какие произведения таких поэтов, как Хамит Ергалиев, нетрудно заметить, что дифирамбы в честь партии (при всем их обилии) занимают в них не самое главное место. Есть много других, весомых и убедительных достоинств, которые гарантируют их долголетие и в наше время. Обратившись к старческому периоду отца, начинающемуся где-то с 1970-х лет, неожиданно наткнетесь на такие вещи, которые могут серьезно заинтересовать, привлечь внимание, удивить даже современностью звучания. У меня осталось впечатление, что этому поколению нужно было дожить до глубокой старости, чтобы полностью стать самим собой. И книги их с возрастом стали намного притягательнее, и сами они внешне изменились к лучшему (сравните сохранившиеся фото 30-х и 70–80-х годов). В завершение

представляю стихотворение папы «Современнику», которое было написано в один из тех благоприятных 70-х годов.

Современнику

*О современник мой,
Друга сначала узри!
Землю и воду, растений, животных миры.
Что за кощунство – травить, издеваться над ними,
Щедрые истари их же сдирая дары?!*

*Рыбе – плыви, зверю кричу я – беги,
Не потому что стали они нам враги,
Это ведь мы, вторгаясь в их мир изобильный,
Шаткий попрали завет – среду береги!*

*Так, пресыщаясь, теперь у природы уж мы,
Встав на колени, молить о прощенье должны,
Ведь без зазренья люди наносят урон ей,
Крушат и пачкают всё в угоду мошны.*

*Почву губя, осушая и реки до дна,
Прибыль получают, но разве не грош ей цена?
Самое ценное «выгодно» в жертву бросает
Тот, у кого на уме лишь доходность одна.*

*Тот, кто вещает с ухмылкой «природа – мой раб!»,
Ей посочувствовал ли как сердобольный собрат?
Хам он, и нет ему дела до бедных растений,
Их погубив, хвалиться в отчетах он рад.*

*Вор, не стрелок, почему же крушишь как врагов
Быстрых сайгаков, косуль грациозных, волков?
Диких животных в природе, как прежде, не видно
Разве удел их исчезнуть на веки веков?*

*Эй, современник, за это в ответе же мы,
Хоть не вкусили ни крох от «добытой хурмы».
Землю – богатство, народ им владеет, как будто
От дележа, от такой оградим кутерьмы.*

*Но, допустив, что жалоб не пишет земля,
Можно ли хапать, всё выгребая до дна?
Нет, современник, родная земля поколениям
Блага свои в долг лишь дает, не со зла!*

*Вот почему она молча все терпит века,
Хам задубевший, увы, не смущён и слегка.
Эх, не сорвать ли нам маску его заскорузлую,
Всех нас, взорвавшись, не проклял потомок пока!*
(Перевод М. Ергалиева)

*Мурат Хамитович ЕРГАЛИЕВ,
член Союза писателей Казахстана*